

ства [Евтюхин 1996: 165]. Слова с оценочным значением, например, прилагательные, несут в себе и каузативный потенциал, влияя на установление внутритекстовых семантических соотношений.

Оценочность является онтологическим свойством художественного текста, а оценочное поле – репрезентацией оценочной деятельности человека средствами художественной словесности.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Евтюхин В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 138–174.

Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М., 2002.

Новосёлова Е. А.
Екатеринбург, Россия

АКСИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЦИКЛЕ Ю. В. ТРИФОНОВА «ОПРОКИНУТЫЙ ДОМ»

Цикл рассказов «Опрокинутый дом» (1980) стал последним произведением Ю. В. Трифонова, где подведение итогов авторского осмысления повседневности выразилось на всех уровнях поэтики: в выборе героя (от точечного наделения автобиографическими чертами героев более ранних произведений Ю. В. Трифонова приходит к введению автобиографического героя), тематической и мотивной структурах рассказов, углублении символического ряда, трансформации конституирующих оппозиций.

Прошедшая через всё творчество оппозиция *моё/другое* трансформируется в рассказах цикла в дихотомию *я-тогда/я-сейчас*

и определяет трехчастную структуру рассказов: *событие – рефлексия на него (тогда) – метарефлексия* (повторная рефлексия, выполненная из точки *сейчас*).

Подобная организация текстов способствует кардинальной смене принципов поэтики: на место «умноженных» подробностей «поздних» романов приходит процесс свёртывания: *тогда* и *сейчас* объединяются в рассказах цикла в символических деталях повседневности (сухой колодец, косо стоящие часы и др.). Сосуществование подобных деталей наряду (и наравне) не только со случайными воспоминаниями, обрывками житейских «мелочей», но и со сформулированными жизненными законами свидетельствует о всеохватывающем и целостном взгляде на жизнь. Жизненные законы, проговариваемые в цикле, обозначены нами как «формулы существования» – т. е. максимально сжатые, спрессованные высказывания о жизни, рассредоточенные на всем протяжении рассказов: «*Жизнь – постепенная пропажа ошеломительного*» [Трифонов 1987: 194]; <...> «*самое страшное в мире – это смерть в Сицилии*» [Там же: 219], «<...> *все имеет отношение ко всему. Все живое связано друг с другом*», «*Человек не понимает своей судьбы в тот час, когда судьба творится, понимание приходит позже, задним числом*» [Там же: 196] и др. В связи с этим правомерно говорить об «уплотненной» структуре текста, где создание итоговых формул становится доминантой поэтики.

В центральном рассказе цикла формируется образ опрокинутого дома: «*Внутри лунного пейзажа <...> таится знакомое: я вижу свой дом, но в перевернутом виде. Он как бы расплескивается, расслаивается, отражаясь в воде*» [Трифонов 1987: 223]. Выводится формула существования: «*Почему-то мне кажется, что все имеет отношение ко всему. Все живое связано друг с другом*» [Там же]. Описывая бытовые особенности повседневности Америки, Финляндии, Италии, России и др., автор подчёркивает: людей объединяет не быт, а общие ценностные законы, извлекаемые из «потока» жизни.

Если в предшествующих «Опрокинутому дому» текстах смысл находился вне повседневности, то в последнем цикле смысл заключён именно в обыкновенном «течении жизни», способом постижения которого становится память. Позиция «внезаходимости» (М. Бахтин) необходима герою для того, чтобы запечатлеть и структурировать

«поток» ежедневной жизни, что, в свою очередь, позволяет сформулировать её законы.

Литература

Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

Трифонов Ю. В. Опрокинутый дом // Трифонов Ю. В. Собрание сочинений: в 4-х т. М., 1987. Т. 4.

Погребная Я. В.
Ставрополь, Россия

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ НЕСООТВЕТСТВИЯ ГЕРОЯ МИРУ В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»

Постоянный мотив набоковского метаромана, варьируемый в сюжетных приемах смены формы («Соглядатай») или места бытия («Приглашение на казнь»), – несоответствие героя миру, сотворенному в романе. Роману В. В. Набокова «Лолита» предшествовало стихотворение «Лилит» (1925), которое в контексте актуализируемого мотива приобретает статус не только поэтического наброска, но и произведения, выводящего проблему несоответствия героя миру на этический уровень.

В конце романа Гумберта посещает видение, а точнее мелодия из иного мира, – мелодия рая, поднимающаяся со дна «ласковой пропасти» и не принадлежащая расположенную там реальному «горнопромышленному городку». Эта райская мелодия «состоялась из звуков играющих детей, только из них», и Гумберт, вслушивающийся в эту «музыкальную вибрацию», с полной ясностью осознает, что его вина, не покидающий его «пронзительно-безнадежный ужас» состоят не в том, что Лолиты нет с ним рядом, а в том, что «ее голоса нет в этом хоре» [Набоков 1999: 374]. В стихотворении «Лилит» убитый вчера герой оказывается в мире, населенном только детьми. Для героя – взрослого «гуляки» – окружающие дети –